

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2023.11922

EDN: CNYVBG

Стиль “ornatus difficilis” в «Слове о полку Игореве»

Л. В. Соколова

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом),
Российская академия наук
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

e-mail: liiso@mail.ru

Аннотация. Мнения ученых по поводу того, насколько текст «Слова о полку Игореве» был понятен для современников, разделились. Одни полагали, что «Слово» — произведение народное в самом глубоком смысле этого слова, что его художественное существо было широко доступно всем. Другие настаивали на том, что утонченно-образный стиль произведения требовал от читателей высокого развития, что сделало его произведением для немногих. Д. И. Чижевский, Р. О. Якобсон и другие ученые сопоставляли стиль «Слова о полку Игореве» со стилем “ornatus difficilis” западно-европейской поэзии XII–XIII вв. Для него были характерны, по наблюдению Р. О. Якобсона, приемы загадок, сжатый намек вместо подробного повествования, заведомая разнородность языковых средств, использование неологизмов, сложная игра тропов и фигур, нарочитое совмещение несродных жанров и источников, сочетание языческих и христианских элементов. По справедливому замечанию В. В. Колесова, эта слишком широкая характеристика стиля «Слова» еще нуждается в аргументации. Для подтверждения гипотезы о принадлежности «Слова о полку Игореве» к произведениям стиля “ornatus difficilis” в настоящей статье рассмотрены некоторые не до конца разгаданные чтения памятника, понимание которых затруднено стилистическими приемами, связанными с использованием лексики и фразеологии: индивидуально-авторских или редких слов, диалектизм, многозначных слов и словосочетаний, порождающих в тексте двусмысленность (амфиболию), а также фразеологических окказионализмов.

Ключевые слова: Слово о полку Игореве, темный стиль, темные места, авторские стилистические неологизмы, окказиональные фразеологизмы, диалектизмы, тропы

Для цитирования: Соколова Л. В. Стиль “ornatus difficilis” в «Слове о полку Игореве» // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 1. С. 7–34. DOI: 10.15393/j9.art.2023.11922. EDN: CNYVBG

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2023.11922

EDN: CNYBYG

“Ornatus Difficilis” Style in “The Tale of Igor’s Campaign”

Lidia V. Sokolova

*Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),
Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: liiso@mail.ru

Abstract. The opinions of scientists about the extent to which the text of “The Tale of Igor’s Campaign” was comprehensible to its contemporaries are divided. Some believed that “The Tale of Igor’s Campaign” was a folk work in the deepest sense of the word; its artistic essence was widely accessible to everyone. Others insisted that the refined and figurative style of the work required cultured readers, which made it a work for a select few. D. I. Chizhevsky, R. O. Yakobson and other scientists compared the style of “The Tale of Igor’s Campaign” with the “ornatus difficilis” style of Western European poetry of the 12th–13th centuries. According to R. O. Jacobson, it was characterized by riddle techniques, a concise hint instead of a detailed narrative, a deliberate heterogeneity of linguistic means, the use of neologisms, a complex game of tropes and figures, a deliberate combination of unrelated genres and sources, and a combination of pagan and Christian elements. According to the V. V. Kolesov’s reasonable remark, this overly broad characteristic of the style of “The Tale of Igor’s Campaign” still requires argumentation. In order to confirm the hypothesis that “The Tale of Igor’s Campaign” is a work in the “ornatus difficilis” style, this article examines some still partially unresolved readings of the monument, the understanding of which is complicated by stylistic techniques associated with the use of vocabulary and phraseology: individually authored or rare words, dialectisms, polysemous words and phrases that generate ambiguity (amphibolism) in the text, as well as phraseological occasionalisms.

Keywords: The Tale of Igor’s Campaign, dark style, dark places, author’s stylistic neologisms, occasional phraseological units, dialectisms, tropes

For citation: Sokolova L. V. “Ornatus Difficilis” Style in “The Tale of Igor’s Campaign”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 7–34. DOI: 10.15393/j9.art.2023.11922. EDN: CNYBYG (In Russ.)

По поводу того, насколько был понятен текст «Слова» для современников, мнения ученых разделились. Д. С. Лихачев, проанализировав устные истоки художественной системы «Слова», в 1950 г. сделал вывод, что «"Слово о полку Игореве" — это не произведение рафинированной книжной культуры, доступной для немногих и замкнутой в традициях какой-либо узкой литературной школы. "Слово о полку Игореве" — произведение народное в самом глубоком смысле этого слова; его художественное существо было широко доступно всем» [Лихачев, 1950b: 92]. По словам же А. А. Назаревского, «образно-утонченный художественный стиль "Слова", требующий от читателя высокого развития», сделал его «произведением для немногих, и это решило его судьбу в дальнейшем: "Слово" не имело значительного распространения» [Назаревский: 114]. Еще Д. И. Иловайский доказывал, что «Слово» свидетельствует о наличии в XII в. на Руси развитой традиции княжеско-дружинной поэзии и что автор его был княжеским певцом из придворной среды. Русская придворно-княжеская поэзия имела, по его мнению, такой же «аристократический характер», как и рыцарская поэзия трубадуров и миннезингеров в Западной Европе (см.: [Иловайский: 343–346]). Эту точку зрения разделяли В. Н. Перетц, категорически отрицавший «народность» «Слова» [Перетц: 87], Н. С. Трубецкой, утверждавший, что «"Слово" — это произведение не народной, а княжеской придворной поэзии, многое в нем свидетельствует об известной утонченности; в нем нет и следа живой, непосредственной безыскусности» [Трубецкой: 577], и некоторые другие исследователи.

Разумеется, далеко не все, что непонятно нам сегодня, было неясным для современников автора, слушателей и читателей дружинно-княжеской среды, в расчете на которую «Слово» и было создано. Некоторые устаревшие слова, требующие пояснения (например, смага, шерешеры и т. п.), тюркизмы, имена языческих богов (Даждьбог, Стрибог, Велес, Хорс и др.) и мифологических персонажей (Див и др.), их символика, вызывающая споры в нашей научной среде, для человека XII в.

были понятны. Но при этом текст «Слова», контрастирующий с простотой большинства древнерусских произведений, был, без сомнения, сложен и для древнерусского читателя / слушателя.

Что касается «темных мест», до сих пор не получивших общепризнанного прочтения, то многие исследователи объясняли их испорченностью текста переписчиками и (или) первыми издателями¹. Но А. С. Орлов и С. К. Шамбинаго в 1941 г. справедливо отметили, что «"темных" мест, неразгаданных чтений не так уж много, и не столько они мешают исчерпывающему пониманию Слова, сколько лаконическая поэтичность автора, ясная для его современников и скрытая от поздних поколений» [Орлов, Шамбинаго: 378]. По мнению Р. О. Якобсона, «главная трудность "Слова" лежит отнюдь не в лексике и не в грамматике, а в его стилистическом многообразии», которое ученый объяснил принадлежностью памятника к «затрудненному, сокровенному, приточно-иносказательному стилю, овладевшему на исходе XII и в начале XIII века поэзией русской и западной, скандинавской и провансальской, кельтской и немецкой, греческой и латинской». Для этого стиля характерны, по словам Якобсона, в частности, «приемы загадок, сжатый намек взамен повествования, заведомая разнородность языковых средств» и др. [Якобсон, 1958: 108]. «Этот стиль — "trobar clus", "ornatus difficilis" — зиждется на многоплановом символизме и изобилует смелыми контрастами, прихотливостью пространственных и временных дигрессий, <...> сложной игрой тропов и фигур, нарочитым совмещением несродных жанров и источников»,

¹ См., например, точку зрения Г. О. Винокура: «... доступный нам текст "Слова" является крайне несовершенным. Нам приходится судить о языке "Слова" по очень поздней, и притом еще очень искаженной передаче, изобилующей совершенно непонятными местами, на разгадку которых нет никакой надежды до тех пор, пока не будет обнаружен новый список этого памятника» [Винокур: 90]. Эту точку зрения отчасти разделял и Д. С. Лихачев, написавший: «Мне кажется, что красоту "Слова" подчеркивают даже те "загадочные" места, которые явились естественным следствием столетий его переписки. Если бы в "Слове" не было испорченных переписчиками (а может быть, и первыми издателями) мест, оно частично потеряло бы свою привлекательность для современных читателей» [Лихачев, 1985: 3].

сочетанием языческих и христианских элементов [Якобсон, 1985: 421]².

Определяя стиль европейской поэзии рубежа XII и XIII вв., Р. О. Якобсон использовал термин латинских риторик *ornatus difficilis* и термин поэзии провансальских трубадуров *trobar clus*, которые не являются тождественными. И если стиль «Слова» безусловно можно охарактеризовать как *ornatus difficilis*³, то сопоставлять его с герметичным, «темным» стилем провансальской поэзии трубадуров *trobar clus* — одной из национальных разновидностей стиля *ornatus difficilis*⁴ — вряд

² Мнение Р. О. Якобсона разделил А. А. Гогешвили, по удачному выражению которого «доведенный почти до предела символизм <...> многозначная лаконичность и сознательная "темнота", эзотеричность авторского стиля составляют существенную часть тайны "Слова" и его автора, и, одновременно, секрет его очарования, делают "Слово" произведением искусства, явлением подлинной поэзии» [Гогешвили: 380].

³ В средневековых латинских риториках орнаментальный стиль подразделялся на *ornatus facilis*, т. е. орнаментальный легкий, и *ornatus difficilis*, т. е. орнаментальный трудный (упор в нем на переносные значения: метафоры, символы, метонимии и другие тропы, затрудняющие в определенной степени восприятие текста памятника). Как высокохудожественное произведение эпохи орнаментального стиля (XII–XIII вв.), пришедшей на смену эпохе «монументального стиля» (XI в.), охарактеризовал «Слово о полку Игореве» Д. И. Чижевский в «Истории русской литературы», изданной впервые в 1948 г. на немецком языке [Чижевский: 133–136]. Д. С. Мирский в «Истории русской литературы», вышедшей в Нью-Йорке в 1949 г., отметил: «Стиль поэмы прямо противоположен примитивному и варварскому. Он удивительно, озадачивающе современен; он полон намеков, аллюзий, блистательных образов, тонких символов. <...> Если Пушкин — величайший классический поэт России, то автор *Слова* — величайший мастер орнаментальной, романтической и символической поэзии» [Мирский: 50–51]. Орнаментальность стиля «Слова» подчеркивали также В. Ф. Ржига, определявший стиль памятника как «метафорически-иносказательный» [Ржига: 166–168], и В. П. Адрианова-Перетц, назвавшая его «метафорически-символическим» [Адрианова-Перетц].

⁴ Рассуждая о типологической общности и национально-историческом своеобразии литературных направлений, В. М. Жирмунский отметил, что «черты <...> сходства, более общего или более специального, при отсутствии непосредственного взаимодействия и контакта могут быть названы **историко-типологическими аналогиями** или схождениями. <...> ...как и в других сторонах общественной жизни, они неизбежно сопровождаются существенными, более частными различиями, которые вызываются местными особенностями исторического процесса и создаваемым этими особенностями национально-историческим своеобразием. Их сравнительное изучение важно потому, что позволяет установить

ли правомерно, поскольку этот стиль обычно скрывает тайный смысл, добраться до которого можно только с помощью ключа (clau), а иногда нужен и второй ключ (clau segunda)⁵.

Усложненный стиль, стиль *ornatus difficilis*, характерен в той или иной степени для всех так называемых «вторичных» стилей (термин Д. С. Лихачева). «Первичные» стили (романский, ренессанс, классицизм) характеризуются, по мысли Д. С. Лихачева, относительно простой поэтикой, а «вторичные» стили (готика, барокко, романтизм) — формальной усложненностью. Д. С. Лихачев отмечает во «вторичных» стилях «рост декоративности, появление оторванных от содержания форм (форм абстрактных), появление разновидностей стиля, рассчитанных на узкий круг, на "немногих", на "знатоков"» [Лихачев, 1973: 176]⁶. Именно к такого рода «вторичным» стилям следует отнести, без сомнения, и стиль «Слова о полку Игореве».

Характеристика стиля «Слова» как произведения затрудненного, сокровенного, приточно-иносказательного стиля общие закономерности литературного развития в его общественной обусловленности и в то же время национальную специфику литератур, являющихся предметом сравнения» [Жирмунский: 179].

⁵ Представители особой искусственной манеры изложения, получившей название «закрытой» поэзии, или поэзии «темной» (*trobair clus*), защищали за поэзией право быть достоянием узкого круга посвященных, способных постичь ее. Сохранилась тенсона, в которой провансальские поэты Рамбаут и Гираут де Борнейль ведут спор о задачах и приемах поэзии. Рамбаут недвусмысленно защищает за поэзией право быть достоянием немногих избранных, защищая эстетику «непонятного», «загадочного». Гираут де Борнейль говорит, что он предпочитает быть понятным для широкого круга слушателей. Поэтому и свою манеру он называет «открытой», «ясной» (*trobair leu*) [Самарин, Михайлов: 537].

⁶ Ср. следующее замечание Ю. М. Лотмана: «...существуют культурные эпохи, целиком или в значительной мере ориентированные на тропы, которые становятся обязательным признаком всякой художественной речи, а в некоторых, предельных случаях — всякой речи вообще. Вместе с тем можно было бы указать и на целые эпохи, в которые художественно-значимым делается именно отказ от риторических фигур, и речь, для того чтобы восприниматься как художественная, должна воспроизводить нормы нехудожественной речи. В качестве эпох, ориентированных на троп, можно назвать мифопоэтический период, средневековье, барокко, романтизм, символизм и авангард» [Лотман: 172].

XII — начала XIII в. представляется безусловно верной⁷, однако, как справедливо заметил В. В. Колесов, «эта слишком широкая характеристика стиля "Слова" нуждается еще в аргументации материалом» [ЭСПИ; т. 5: 59].

В «Слове о полку Игореве» можно указать на целый ряд художественных особенностей, сознательных поэтических приемов, затрудняющих восприятие его текста. Какова цель этих приемов? Луис де Гонгора, создатель «темного» стиля культизм (от исп. *cultos* — утонченный, культурный) в испанской поэзии барокко XVII в., для которого характерны нарочито усложненный поэтический язык, особая метафоричность, образность, писал, что «темный» стиль полезен, поскольку туманность содержания будит ум, побуждает читателя к размышлению. Неясность смысла требует от читателя не пассивного восприятия опоэтизированной красоты, а активного сотрудничества с поэтом. По мнению Гонгоры, душа читателя инстинктивно тянется к неясному и запутанному, жаждет эмоций, связанных с процессом разгадывания. Читатель испытывает наслаждение первооткрывателя, которое так привлекает людей к разгадыванию загадок или к серьезному научному исследованию [Менендес Пидаль: 767–768].

В этой статье рассмотрим не до конца разгаданные фрагменты «Слова о полку Игореве», трудность понимания которых связана с употреблением авторских лексических и семантических неологизмов, окказиональной фразеологии, редких слов и диалектизмов, а также многозначной лексики, порождающей двусмысленность (амфиболию) в тексте⁸.

1. Затемняют смысл сказанного в литературных произведениях индивидуально-стилистические неологизмы, созданные

⁷ Д. С. Лихачев рассматривал «Слово» в рамках стилистической формации монументального историзма XI–XIII вв. [Лихачев, 2007], подчеркивая, что внутри «стиля эпохи» могут быть различные течения.

⁸ Композиционные и синтаксические приемы создания «темного» стиля в «Слове» были рассмотрены нами в докладе на заседании Отдела древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН, посвященного юбилею доктора филологических наук, профессора Александра Валерьевича Пигина, которое состоялось 15 июня 2022 г. (видео-запись заседания с канала «ИРЛИ РАН» см.: <https://yandex.ru/video/preview/16585697636419602561> (07.07.2022)).

поэтом или писателем как лексическое средство художественной выразительности или языковой игры. Индивидуально-стилистические неологизмы по своей художественной значимости сходны с тропами: в основе создания и тех и других лежит стремление дать образное описание предмета, причем автор не ставит перед собой цели ввести изобретенные им слова в широкое употребление.

Повествуя о начавшемся походе Ольговичей в половецкую степь, автор «Слова» пишет:

«Игорь къ Дону вои ведеть. Уже бо бѣды его пасеть птицъ по дубию, вльци грозу въсрожатъ по яругамъ, орли клеткомъ на кости звѣри зовуть, лисици брешуть на чръленыя щиты»⁹.

В данном фрагменте описаны тревожные приметы, содер-жащие угрозудвигающемуся к Дону войску Игоря. Птицы и звери чувствуют предстоящую кровавую битву, ожидают скорой поживы. Выражение «вльци грозу въсрожатъ» до сих пор не получило общепринятого объяснения. Смысл его в целом понятен: волки воют по оврагам, предчувствуя грозу-битву. Переводят эту фразу (цитируем по изданию «Слова» 1967 г.) так: «И волки угрозою воют по оврагам» (перевод В. А. Жуковского); «Воют волки по крутым оврагам, / Ощети-нясь, словно бурю кличут» (перевод А. Н. Майкова); «волки грозу накликают по яругам» (совместный перевод Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова) (123, 151, 58). Слово «въсрожатъ» в древнерусских памятниках не обнаружено, в Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве» его значение не определено, оно приведено со знаком вопроса¹⁰. Поэтому исследователи предлагали внести конъектуру в текст, заменить непонятное слово на «ворожат» или «въсрашаютъ»; последнее означает: 1) поднимать дыбом, взъерошивать; 2) теревить, ерошить, рвать. Оба слова вряд ли подходят к рассматриваемому контексту.

⁹ «Слово о полку Игореве» / вступ. ст. Д. С. Лихачева; сост. и подгот. текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева; примеч. О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. Л.: Сов. писатель, 1967. С. 46. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

¹⁰ См.: *Словарь-справочник «Слова»*; вып. 1: 149.

На наш взгляд, автор использовал здесь метафору, сравнив вой волка со звуком сигнального рога. Рог наряду с трубой является одним из древнейших сигнальных инструментов восточных славян. Первоначально он выделялся из рога животных, например, турьего, отсюда и его название. Трубили в рог для подачи сигналов в пастушеском, охотничьем и ратном деле, а также в разных ситуациях, предупреждая об опасности [Клименко: 13]. В «Песни о Роланде» во время Ронсевальского боя умирающий Роланд при помощи Олифанта (рога из слоновой кости) призвал на помощь рать Карла Великого. В миниатюрах Радзивилловской летописи изображены войсковые трубачи, трубящие как в трубу, так и в рог¹¹.

Волки грозу всрожат — это значит волки возвещают воем (действительно похожим на звучание рога) о предстоящей грозной битве¹². Автор «Слова» мог сказать: волки «трубят» по оврагам, но вместо этого он употребил авторский неологизм «въсрожат», образовав его от слова «рог» по аналогии со словом «въструбить», образованным от слова «труба». Вспомним начальную фразу в «Слове Даниила Заточника» с аллюзией на Псалтирь: «Въструбимъ, яко во златокovanja трубы, в разумъ ума своего»¹³.

По отношению к вою волка, конечно, более уместно сравнение со звуком рога — звуком, которым охотники подают

¹¹ Непонятно, почему Б. А. Рыбаков по поводу трубача с рогом на миниатюре, иллюстрирующей поход великого князя Ярополка на Всеволода Ольговича в 1138 г. (Радзивилловская летопись: л. 169 об.), пишет: «Художник смело изобразил поход на сына Олега Гориславича как облаву с загонщиками, трубящими <...> в охотничьи рога. <...> На рисунке изображен не войсковой трубач, а егерь-загонщик, трубящий в рог, — поход на Ольговичей приравнен к охоте на зверя» [Рыбаков: 192, 196]. Описывая другую миниатюру, иллюстрирующую поход Всеволода Ольговича Киевского на Владимира Володаревича Галицкого в 1144 г., Б. А. Рыбаков пишет: «...художник использует придуманный им ранее остроумный прием охотничьего рога (лист 173, оборот, низ) — снова как бы загонная охота» [Рыбаков: 194].

¹² Попутно заметим, что вой волка — способ передачи информации сородичам. В некоторых стаях даже существует волк-сигнальщик. Протяжный вой волка распространяется на огромные расстояния, до 10 км. Волки весьма умело используют преимущества стаи, достигая в координации коллективных действий большого искусства.

¹³ См.: Слово Даниила Заточника / подгот. текста, перевод и коммент. Л. В. Соколовой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 4. С. 268.

сигналы при проведении загонных охот (охота, как правило, начинается по сигналу охотничьего рога, сопровождается его сигналами и завершается ими; специальным сигналом обозначают, какой зверь в загоне, например, «волк», «лиса» и проч.). Во времена расцвета псовой охоты в России сложилась своя форма охотничьих рожков и своя система сигналов специально для псовой охоты, на которой охотничий рог был неизменным атрибутом каждого участника¹⁴. Л. П. Сабанеев отмечал, что «старинные русские сигналы играют обычно более или менее протяжно, во весь дух, начинаются *низкою нотой* и с нее переходят *на высокую*» [Сабанеев, 2018: 392]. Вот как описывал звук охотничьего рога в стихотворении «Мой охотничий рог» поэт В. И. Казанский (псевдоним В. Заозёрский), страстный охотник, написавший несколько научно-популярных книг на охотничью тематику:

«На потолке избы, в отжившем хламе,
Увидел я помятый старый рог.
Попробовал...
И как во мраке пламя
Звук вспыхнул ярко и тревожно строг.
Вновь затрубил я.
Мощен и печален
Был затянувший "до" глубокий бас.
Я взял октавой выше,
И в металле
Победа, торжествуя, раздалась» (цит. по: [Костенко];
сохранены знаки препинания источника. — Л. С.).

В сравнении воя волков со звуком охотничьего рога можно видеть скрытый намек: как охотники в охоте на волка сигнализируют о начале загона, так в созданной поэтом картине, напротив, волки воем, сходным со звучанием охотничьего рога, сигнализируют о скорой грозной битве, в которой половцы объявят охоту на русских воинов, окружат их и разобьют. Это соображение будет особенно убедительным, если учесть, что волк был тотемом, прародителем половцев (кыпчаков, куманов), проживавших

¹⁴ Роговые музыкальные сигналы русской псовой охоты приведены Л. П. Сабанеевым в его труде «Охотничий календарь»: «напуск гончих»; «по стоненному зверю»; «голос по лисице»; «голос по волку»; «направо»; «налево»; «вызов гончих»; «на драку» [Сабанеев, 1904].

в Половецкой степи (Дешт-и-Кыпчак)¹⁵. Подобным образом языческое божество дикого поля и леса Див (ср. с греческим Паном) предупреждает о начавшемся походе Игоря идола-защитника Тмуторокани, к которой якобы (тут автор «Слова» следует за рассказом о походе Игоря Лаврентьевской летописи) направлялся Игорь.

Илл. 1. Изображение сигнального рога в миниатюре
«Поход Всеволода Ольговича Киевского на Владимира Володаревича
Галицкого в 1144 г.» (Радзивилловская летопись. Л. 173 об.)

Fig. 1. Miniature depiction of a signal horn
“The campaign of Vsevolod Olgovich of Kyiv against Vladimir
Volodarevich Galitsky in 1144” (Radzivilov Chronicle,
turnover of the 173rd sheet)

¹⁵ У многих народов, в том числе тюркских, волк фигурирует как их прародитель и покровитель, выступает в роли тотемного животного. Известен рассказ китайской хроники VII в. о предках тюрков, истребленных врагами, кроме одного мальчика, которого выкормила волчица, ставшая позднее его женой и родившая ему десять сыновей, положивших начало половецким родам [Иванов]. В конце XII в. был хорошо известен род Бурчевичей, возглавлявший орду приднепровских половцев (С. А. Плетнева считает, что это имя происходит от древнетюркского *böri* — волк, бурчевичи — волки). Ее ханы Изай, Осолук, Ельдечук не раз упоминаются в летописи. В русской летописи под 1097 г. помещен рассказ о волховании половецкого хана Боняка, родом из Бурчевичей, перед битвой. В полночь он отъехал от войска и начал выть по-волчьи, так он испрашивал победу у волков. И волки, ответив ему воем, предсказали будущую победу. Очевидно, хан Боняк, ждущий покровительства волков, и орда, имеющая личным тотемом волка, связаны между собой: Боняк был, по видимому, ханом орды Бурчевичей. В этой орде он был не только хан-военачальник, но и хан-волхв, или жрец [Плетнева].

Глагол «въсрожить», в отличие от широко распространенного глагола «трубить» (в рог / в трубу), до сих пор не обнаружен в древнерусских памятниках, а потому мы имеем право предположить, что это — окказиональный (от лат. *occasionalis* — случайный), авторский неологизм, созданный автором «Слова», который до сегодняшнего дня не был разгадан исследователями, хотя нельзя исключить, что слушателям XII в. он был понятен.

2. Повествуя о княжеских междоусобицах, открывающих половцам «ворота» на Русскую землю, автор пишет:

«А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами, побѣдами нарищуце на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора» (49).

Толкуя эту фразу, исследователи гадали, какую дань следует понимать под словом «бѣла» (предполагалось: белками, т. е. «белыми», зимними шкурками белок (вевериц), или «белью», т. е. мелкой серебряной монетой¹⁶, и др.¹⁷). В любом случае при этом считалось, что речь идет о реальной дани, которую половцы брали с русских, на что возразил Д. С. Лихачев, справедливо указавший: «Вряд ли автор "Слова" имел здесь в виду дань какого-то определенного размера, которую взимали половцы (белками, т. е. "белыми", зимними шкурками белок-вевериц, или "белью", т. е. мелкой серебряной монетой). Вряд ли даже половцы вообще взимали какую-то определенную дань с ближайших к ним русских областей. Автор "Слова" говорит здесь о другом — о вынужденном подчинении русского мирного населения половцам, их набегам — и употребил для этого старую летописную формулу. Так, "по беле от двора" или "по беле от дыма", платили в IX в. русские дань <...> хозарам и "варягам" (см. в "Повести временных лет" под 859 г.). Автор "Слова" говорит здесь, следовательно, об угрозе подчинения русских половцам. Половцы "сами", вместо русских

¹⁶ На этом основании В. Л. Янин даже датировал «Слово о полку Игореве». По его мнению, поскольку «бѣла» как денежная единица возникает впервые в последней трети XIII в., то составление «Слова» нельзя датировать ранее этого времени. См.: [Янин].

¹⁷ Другие гипотезы о значении в данном контексте слова «бѣла» см.: [ЭСИИ; т. 1: 92–93].

князей, брали с русских дань. Дань здесь — символ подчинения» [Лихачев, 1950а: 421].

Эта литературная аллюзия вряд ли должна указывать на «подчинение» русских половцам, поскольку такого подчинения не было. По нашему мнению, автор «Слова», говоря о дани «по бѣлѣ от двора», использовал неточную цитату из «Повести временных лет» («по беле от дыма»), сопроводив ее приемом горькой иронии: на самом деле он имеет в виду совсем иную «дань», которую половцы «сами емляху»: при разбойных нападениях на русские земли они грабили, убивали, уводили в плен русских людей для продажи их в рабство на невольничьих рынках. Казалось бы, исходя из исторических реалий это очевидно, но тем не менее в самых последних изданиях «Слова» опять говорится о дани половцам по мелкой серебряной монете¹⁸.

3. Затемняют смысл в «Слове» и использованные в редком или диалектном, а не в широкоупотребительном значении слова.

В первой строфе «Плача Ярославны» читаем:

«Полечу, рече, зегзицею по Дунаеви, омочю бобрянѣ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ» (54).

Выражение «бобрянѣ рукавъ» долго толковали ошибочно, понимали его как «рукав с бобровой опушкой». В середине XX в. Н. А. Мещерский указал на слово «в бобряняхъ» в древнерусском переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, где оно передает греческое слово στήριχαις — в шелковых [Мещерский]. В одном словосочетании с редким литературным словом «бобранный» переводных памятников¹⁹ автор употребил слово «рукав» в крайне редком и, вероятно, диалектном значении «платок-полотенце, носимое на рукаве», зафиксированном в двух старинных былинах (наряду с его синонимами: рукавец, рукавичек и др.) (см. об этом: [Соколова, 2019]), чем достигается особый стилистический эффект

¹⁸ Например, в недавно вышедшей книге А. Н. Ужанкова читаем такой комментарий к слову «бѣла»: «...бѣла — мелкая серебряная монета, прежде полагали, что это беличья шкурка» [Ужанков: 95].

¹⁹ Слова *бобръ* и *беберъ* встречаются в древнеславянском переводе «Повести об Акире Премудром», где также означают одежду из шелка.

и дополнительно затемняется смысл. Соединение слов из разных стилистических пластов языка характерно для «Слова». Д. С. Лихачев отмечал, что «художественная система "Слова" вся построена на контрастах. Один из самых острых контрастов, пронизывающих все "Слово", — это контраст книжных элементов стиля с народно-поэтическими. Элементы книжные и устные, переплетаясь, создают своеобразие и разнообразие стиля этого небольшого, но исключительно богатого по форме и содержанию произведения» [Лихачев, 1967: 20].

4. В качестве примера многозначных слов, создающих двусмысленность (амфиболию) в тексте²⁰, можно указать слова «полунощь» и «мгла» в описании бегства Игоря: «Прысну море полунощи; идутъ сморци мыглами» (55).

В данном случае автор использовал биполярную синтаксическую конструкцию: «Прысну море =полунощи= идутъ сморци мыглами». Данное явление имеет место в тех случаях, когда какой-либо член предложения (одно слово либо целая синтаксическая группа) оказывается лишен жесткой синтаксической принадлежности и неопределенно тяготеет по смыслу как к предыдущему, так и к последующему отрезку текста [Гаспаров: 285–287].

Так называемый «ложный параллелизм» побуждает издателей «Слова» делить приведенный текст на синтагмы следующим образом: «Прысну море полунощи, / идутъ сморци мыглами»²¹. Между тем выражение «прысну море» рисует

²⁰ «Затемнение стиха или двусмыслица» называется одним из приемов скандинавской поэзии в «Младшей Эдде» Снорри Стурлусона. В ней сказано, что для создания двусмыслицы прибегают к использованию слов-омонимов, многозначных или сходнозвучающих слов. Например, созвучными словами обозначаются гнев человека и корабельные снасти либо лошадиная сбруя. Созвучны и слова, означающие гнев и корабль. «К подобным выражениям часто прибегают, чтобы затемнить стих, и это называется двусмыслицей. <...> Подобные слова можно так ставить в поэзии, чтобы возникла двусмыслица и нельзя было понять, не подразумевается ли что-нибудь другое, нежели то, на что указывает предыдущий стих» (Младшая Эдда / пер. О. А. Смирницкой; отв. ред. и авт. примеч. М. И. Стеблин-Каменский. Л.: Наука, 1970. С. 179).

²¹ Именно так делит текст на синтагмы по традиции и современный исследователь «Слова» А. Н. Ужанков, переводя: «Прыснуло море в полуночи. / Идут смерчи мглою» [Ужанков: 77].

картину смерча, когда воронкообразный рукав (вихрь) засасывает воду из моря. Смерчи образуются только в жаркую погоду и только днем, поэтому «прыскать» *ночью* («в полночи») море не может; слово «полунощи» в данном контексте означает «к северу» — туда двигались воронки смерчей, которыми Бог указывал Игорю путь из земли Половецкой на землю Русскую. Поэтому деление текста на синтагмы должно быть иное: «Прысну море — / Полунощи идутъ сморци мъглами». Слово «мъглами» остается не переведенным (в том числе в указанном переводе А. Н. Ужанкова), тогда как многозначное древнерусское слово *мгла* в данном случае имеет значение, утраченное в современном языке, — облако, туча²². Смерч (вращающийся столб, воронка) двигался к северу вместе с порождающим его *облаком*. Многозначное слово «мгла», как и многозначное слово «полунощи», создают, таким образом, дополнительную двусмысленность в рассматриваемом фрагменте наряду с «ложным параллелизмом».

Приведем еще один пример двусмысленности в тексте «Слова».

В заключительной фразе: «Князьям слава а дружине аминь» (56) — двусмысленность создается как многозначным союзом «а» (он может быть соединительным или противительным), так и неопределенностью того, где автором предполагался знак препинания. Если учесть, что слово «аминь» ставилось в конце произведения и означало «воистину, верно, подлинно», то перевод фразы будет таким: «Князьям слава и дружине. Аминь». Но конечное положение *аминя* в церковнославянских текстах породило второе, переносное значение этого слова — «конец». На этом значении основывались первые издатели «Слова», Жуковский, Пушкин и Срезневский, переводившие: «князьям слава, а дружине — аминь!», — имея в виду гибель Игоревой дружины. На самом деле данный контекст допускает только соединительное значение союза «а», поскольку заключительное пожелание здоровья и возглашение славы обращены уже не к войску Игоря, а ко всем русским князьям

²² См.: *Словарь-справочник «Слова»*; вып. 3: 81–83. Словарь указывает следующие значения слова «мгла»: 1) Темнота, мрак; 2) Туман; 3) Облако, туча.

и дружинам: «Здрави, князи и дружина, побарая за христьяны на поганья плъки! Княземъ слава а дружинѣ! Аминь» (56). Интересно, что автор полемизирует здесь, как заметил А. Ю. Чернов, с дважды произнесенной формулой феодального этикета (дружины «ищут себе чести, а князю славы»), провозглашая славу и князьям, и дружине [Чернов: 81].

5. Индивидуально-авторское употребление фразеологизмов также усложняет понимание текста «Слова». Под индивидуально-авторскими (окказиональными) преобразованиями фразеологических единиц понимают творческое изменение (трансформацию) семантики или структуры фразеологизмов с определенной стилистической целью. Окказиональные фразеологизмы, как и лексические окказионализмы, обладают особым речевым статусом: в отличие от единиц языка, они функционируют лишь в том контексте, где порождаются автором. В последнее время окказиональным фразеологизмам посвящено большое количество разного рода работ.

а) Выражение «*соколь въ мытехъ*» в значении «старый сокол», т. е. много раз перемытившийся, перелинявший, — это характеристика «старого» и опытного великого князя Святослава Киевского. Данное авторское выражение с переносным значением построено автором «Слова» по образцу известного древнерусского и южнославянского фразеологизма «сокол трех мытей» (т. е. сокол в расцвете сил, после трех мытей-линек), употребленного, например, в «Повести об Акире» (обоснование этой точки зрения см.: [Соколова, 1996]). Против этого прочтения, разделявшегося Р. О. Якобсоном, резко выступили М. А. Робинсон и Л. И. Сазонова, которые понимают выражение «соколь въ мытехъ» в прямом, буквальном значении как «сокол в процессе линек»; в таком случае выражение: «Коли соколь въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду» (51) — предлагается считать риторическим вопросом и полагать, что Святослав Киевский сравнивает себя с ослабленным линькой соколом, который не может защитить свое гнездо [Робинсон, Сазонова]. При таком толковании выходит, что призывы к князьям объединиться для защиты Киевской Руси произносит не Святослав Киевский, а сам автор. Однако такое толкование входит в противоречие

с изображением Святослава Киевского в «Слове» как «седого», мудрого главы русских князей, великого киевского князя, с воспеванием его побед над половцами, предшествующим его «злату слову» и как бы подготавливающим его. В таком случае гиперболическое описание побед «грозного великого» Святослава Киевского, который «своими сильными плъкы и харалужными мечи» «наступи на землю Половецкую, притопта хльми и яруги, взмути рѣки и озеры, иссуши потоки и болота» (50), как и его «государственный» (по выражению Д. С. Лихачева) сон, повисают в воздухе, выглядят великолепным порталом, ведущим к жалкой хижине — слезным упрекам и сожалениям беспомощного, растерянного, бездействующего киевского князя (подробнее см.: [Соколова, 2001: 33, 46]).

б) Выражение «Слова» «*дотчеся стружиемъ (злата стола Киевскаго)*» (53) толкуется исследователями неверно. Д. С. Лихачев пояснил в комментарии, что «военный термин "добыть копием" или "взять копием" означал «захват чего-либо военной силой», в связи с чем ученый полагал, что «Всеслав Полоцкий не взял Киев "копием", силой, «он "доткнулся" золотого киевского стола "стружием" — древком копья; сейчас бы мы сказали "прикладом"» [Лихачев, 1950а: 456]²³.

Но «стружие» (от слова «стругать») — это оструганный конец древка копья, на который крепится собственно металлический наконечник, острый конец копья. Авторское выражение *дотчеся стружиемъ* основано на древнерусском широкоупотребительном фразеологизме «взять (город) копьем» (т. е. как раз без боя, каким-либо образом вынудив врага сдать-ся), противопоставленном выражению «взять (город) на щит» (сожжение, разграбление, плен, истребление жителей) [Соловьев; кн. 2, т. 3: 22]. Итак, «дотчеся стружиемъ (злата стола)» означает: добился княжеского стола, не завоевывая его, лишь дотронувшись до него стружием (металлическим наконечником копья), т. е. как бы находясь от него «на длину копья» [Соколова, 2003: 34–37]. В данном случае следует, вероятно,

²³ Ошибочное толкование слова «стружие», как «древко, древко копья», отражено, к сожалению, и в «Энциклопедии "Слова о полку Игореве"» [ЭСПИ; т. 5: 75–76], а также в книгах некоторых современных исследователей «Слова» (см., напр.: [Ужанков: 69]).

говорить не об окказиональном фразеологизме, а о новом устойчивом выражении со значением того фразеологизма, на основе которого он был создан, поскольку все слова общеупотребительного фразеологизма в его индивидуально-авторском варианте утрачены²⁴.

в) Образование окказиональных фразеологизмов может идти не только путем деривации (т. е. на базе существующих фразеологизмов. — Л. С.), но и за счет переосмысления свободных словосочетаний для передачи определенного значения через конкретный образ [Глотова: 73]. О Всеславе Полоцком в «Слове» сказано в частности: «...утрѣже вазни с три кусы (в Первом издании ошибочно: *стрикусы*. — Л. С.): отвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ» (курсив наш. — Л. С.) (53). Правильное прочтение фрагмента (чтения «с три кусы» вместо «стрикусы» и «сду токъ» вместо «съ Дудутокъ») предложил Р. О. Якобсон [La Geste du Prince Igor?: 68, 92, 172, 196]. Словосочетание «с три кусы» по-разному толковали исследователи: «с три клока», «с трех попыток», «с трех походов», «с трех набегов (нападений)», «в три укуса» и др. По нашему мнению, это словосочетание употреблено автором не в буквальном, а в переносном смысле со значением «немного», оно основано на выражении «три кусы», означающем приблизительное количество, «немного» (ср.: «Ядь же бѣ блаженаго Варлама: сочиво от земных зелий, и того мало, а *хльба* 3 кусы (курсив наш. — Л. С.), и воду поскуду»²⁵ (подробнее см. об этом: [Соколова, 2003: 39–45]). Вазнь (удача) здесь представляется в виде каравая, от которого Всеслав успел отхватить, урвать немного, захватив ненадолго Киевский стол. Неузнанным древнерусскими книжниками (что отразилось в Первом издании) оказался и былинный

²⁴ Е. А. Земская отмечает: «"Авторские фразеологизмы", "индивидуальные фразеологизмы" — это синонимы термина окказиональные фразеологизмы. Окказиональным фразеологизмом не может быть сочетание, созданное по образцу известного с заменой всех компонентов: если в созданном обороте нет ни одного компонента существующего фразеологизма, то каким образом этот оборот будет ф р а з е о л о г и з м о м?» [Земская: 255].

²⁵ См.: Пролог. Рукопись БАН 17.11.4. Л. 114 (XV в.). Цитата из Жития Варлаама Хутынского приведена по изданию: *Словарь-справочник «Слова»; вып. 3: 41.*

фразеологизм «дуть ток», т. е. готовить место для битвы, в связи с чем в тексте «Слова» появились загадочные «Дудутки».

В заключение рассмотрим фрагмент, до сих пор вводящий в заблуждение некоторых переводчиков или комментаторов. Комментируя его, Д. С. Лихачев в статье 1983 г. написал: «После первой победы Игорю подносят трофеи — черлен стяг, белу хорюговь, черлену чолку и сребрено стружие. В связи с тем, что все это может быть частями одного предмета, у меня возникала мысль: не значит ли это, что Игорю подносится какой-то один пышный знак-символ власти, на стяге-древке которого могли быть и стружие и чолка? Однако мне не удалось найти в древней литературе ни одного случая такого "описательного разделения" упоминаемого в произведении предмета. О каждом предмете говорится в древнерусских литературных произведениях как о некоей цельности — будь ли то бор, дом, церковь, человек или что-то другое. Только при описании построения храма или специально его драгоценных материалов, из которых он составлен, и предметов искусства, его наполняющих, можно было перечислять их отдельно. Подносимый же предмет мог быть изображен с соответствующими эпитетами, если они необходимы в рассказе только как объекты действия (в приведенном выше примере из "Слова" — как поднесения трофеев). Перечисление различных трофейных предметов встречается и в другом месте "Слова": "...орьтъмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивым мѣстомъ". Это перечисление также показывает богатство трофеев» [Лихачев, 1983: 15].

Интуиция гениального филолога подсказала Д. С. Лихачеву правильное понимание рассматриваемого фрагмента, однако он отказался от своей догадки, сославшись на то, что подобного примера «описательного разделения» предмета в древнерусских литературных произведениях ему не удалось обнаружить. Автор «Слова» в данном случае, не называя упоминаемый предмет прямо, описывает отдельные части, из которых он составлен. Игорю Святославичу после победы над половцами в первом бою преподносят в качестве трофея половецкое знамя, состоящее из красного стяга (древка знамени), белой хоругви (полотнища знамени), красной чолки (бунчука)

и серебряного стружия (серебряного навершия дровка). Обоснование этого толкования было предложено нами в 2003 г. [Соколова, 2003: 34–37], но до сих пор встречается ошибочное представление о том, что Игорю было преподнесено в качестве трофея несколько разных предметов²⁶. Этот пример убедительно свидетельствует о том, что автор «Слова» сознательно усложнял поэтическими приемами восприятие создаваемого им памятника. И если для его современников, в первую очередь князей и их дружин, наверняка не представляло трудности разгадать, что за трофеем был преподнесен Игорю Святославичу, то для читателей Нового времени этот фрагмент оказался непонятен.

Рассмотренные в качестве примеров фрагменты показывают, что текст «Слова о полку Игореве» содержит поэтические загадки, разгадать которые невозможно при поверхностном одноразовом чтении. Автор «Слова» использовал различные стилистические приемы, усложняющие восприятие смысла тех или иных фрагментов. Необходимо вдумчивое прочтение этого глубокого текста, стиль которого с полным основанием можно определить как *ornatus difficilis*²⁷, характерный для европейской поэзии XII в. Особенностью этого стиля в «Слове о полку Игореве» является использование автором различных поэтических тропов, которые, однако, не ставят целью сделать смысл произведения доступным лишь для посвященных²⁸.

²⁶ А. Н. Ужанков, например, передает в своем переводе рассматриваемый фрагмент так: «Червлёный стяг, / белая хоругвь, / червлёная челка, / серебряно дровко — храброму Святославичу!», — не смущаясь тем, что дровко не может быть серебряным. Эта ошибка (и, по сути, отказ от перевода фрагмента) вызвана непониманием А. Н. Ужанковым того, что автор «Слова» перечисляет здесь не четыре разных предмета, а четыре части преподнесенного Игорю после первой битвы половецкого знамени.

²⁷ Д. С. Лихачев в статье о «неточности» в искусстве и о сотворчестве писателя и читателя писал: «В самой рациональной поэзии должны быть элементы неопределенности и недосказанности, своего рода поэтической иррациональности. <...> Образ не только полностью не развернут у автора, но не развернут и у читателя. Но то, что читатель может его развернуть, чрезвычайно важно. Писатель создает концепт, который обладает потенциальностью своего развертывания у читателей. Поэтому каждое новое воспроизведение художественного произведения может продвигаться вглубь, открывать неизвестное ранее» [Лихачев, 1984: 226].

²⁸ Поэтому если сопоставлять стиль «Слова о полку Игореве» со стилем поэзии трубадуров, то, вероятно, не со стилем *trobar clus* («закрытой»,

Список сокращений

Словарь-справочник «Слова» — Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / сост. В. Л. Виноградова. Вып. 1–6. Л.: Наука, 1965–1984. Вып. 1 (1965), вып. 2 (1967), вып. 3 (1969), вып. 4 (1973), вып. 5 (1978), вып. 6 (1984).

ЭСПи — Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); ред. кол.: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, С. А. Семячко, О. В. Творогов (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1995.

Список литературы

1. Адрианова-Перетц В. П. Метафорически-символический стиль русского средневековья // Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л.: Наука, 1947. С. 9–132.
2. Винокур Г. О. К вопросу о языке «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: комплексные исследования / отв. ред. А. Н. Робинсон. М.: Наука, 1988. С. 90–102.
3. Гаспаров Б. Поэтика «Слова о полку Игореве». Wien: Institut für Slawistik der Universität Wien, 1984. 405 с.
4. Плотова Е. А. Оказиональная деривация во фразеологии и индивидуально-авторские фразеологизмы // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2019. № 3 (24). С. 70–74 [Электронный ресурс]. URL: [https://vestnik-omgru.ru/volume/2019-3-24/vestnik_3\(24\)2019_70-74.pdf](https://vestnik-omgru.ru/volume/2019-3-24/vestnik_3(24)2019_70-74.pdf) (07.07.2022). DOI: 10.36809/2309-9380-2019-24-70-74
5. Гогешвили А. А. Три источника «Слова о полку Игореве»: исследование. М.: Белые альвы, 1999. 415 с.
6. Жирмунский В. М. Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1960. Т. XIX. Вып. 3. С. 177–186.
7. Земская Е. А. Речевые приемы комического в советской литературе // Исследования по языку советских писателей. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. С. 215–278.

«темной» поэзией, скрывающей тайный смысл), а с появившимся в конце XII в. «изысканным» стилем *trobar prim*, *trobar ric*, который объединил в себе особенности «темного» и «ясного» стилей: рафинированность и изобретательную метафоричность, изящество формы первого и ясность языка второго. В поэзии “*trobar prim*” «акцент переносится от эстетики “непонятного”, “загадочного” на культивирование крайнего артистизма выражения»; «все эти средства достигают высшей степени изошренности у наиболее выдающегося мастера *trobar prim* — Арнаута Даниэля...» [Мейлах, 1975b: 70–71, 69] (см. также: [Мейлах, 1975a]).

8. Иванов В. В. Волк // Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 1: А–К. С. 242.
9. Иловайский Д. И. История России. М.: Тип. Грачева и К^о, 1880. [Т. 1]. Ч. 2. 578 с.
10. Клименко А. Е. Духовые инструменты в военной музыке древней Руси // Южно-Российский музыкальный альманах. Ростов-на-Дону. 2019. № 2 (35). С. 11–17 [Электронный ресурс]. URL: <https://musalm.ru/2019-2-1-2.html> (07.07.2022). DOI: 10.24411/2076-4766-2019-12002
11. Костенко В. Русский охотничий рог // Русский охотничий портал [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/huntportal/russkii-ohotnichii-rog-5abe4d1b77d0e6d753625edc> (07.07.2022).
12. Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве / под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 375–466. (а)
13. Лихачев Д. С. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: сб. исслед. и ст. / под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 53–92. (б)
14. Лихачев Д. С. Слово о походе Игоря Святославича // Слово о полку Игореве. Л.: Сов. писатель, 1967. С. 5–39. (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.)
15. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973. 255 с.
16. Лихачев Д. С. Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве» // Русская литература. 1983. № 4. С. 9–21.
17. Лихачев Д. С. Несколько мыслей о «неточности» искусства и стилистических направлениях // Лихачев Д. С. Литература — Реальность — Литература. Л.: Сов. писатель, 1984. С. 220–229.
18. Лихачев Д. С. Размышления об авторе «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1985. № 3. С. 3–6.
19. Лихачев Д. С. «Слово» и художественный стиль эпохи // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Logos, 2007. С. 46–79.
20. Лотман Ю. М. Риторика // Лотман Ю. М. Избр. ст.: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 167–183.
21. Мейлах М. Б. Поэзия трубадуров «темного» и «изысканного» стиля // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1975. Т. 34. № 6. С. 523–534. (а)
22. Мейлах М. Б. Язык трубадуров. М.: Наука, 1975. 239 с. (б)
23. Менендес Пидаль Р. Темный и трудный стиль культуранистов и консептистов // Менендес Пидаль Р. Избранные произведения: испанская литература средних веков и эпохи Возрождения / пер. с исп. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 772 с.
24. Мещерский Н. А. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. Т. 14. С. 43–48.

25. Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск: Свиньян и сыновья, 2005. 963 с.
26. Назаревский А. А. О жанровой природе «Слова о полку Игореве» // Збірник філологічного факультету. Київ: Видавництво Київського державного університету, 1955. № 7. С. 113–114. (Сер.: Наукові записки; т. 14, вип. 1.)
27. Орлов А. С., Шамбинаго С. К. Слово о полку Игореве // История русской литературы: в 10 т. / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 1: Литература XI — начала XIII века. С. 375–402 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il1/Il123752.htm> (07.07.2022).
28. Перетц В. Слово о полку Ігоревім: пам'ятка феодальної України-Руси XII віку: вступ, текст, коментар. Київ: З друкарні Української Академії Наук, 1926. 353 с. (Збірник Історично-філологічного відділу / Укр. акад. наук; № 33.)
29. Плетнева С. А. Хан Боняк и его время // Проблемы археологии. Л.: ЛГУ, 1978. Вып. 2. С. 174–180.
30. Ржиги В. Ф. Слово о полку Игореве как поэтический памятник Киевской феодальной Руси XII века // Слово о полку Игореве / под ред. С. Шамбинаго и В. Ржиги. М.: Academia, 1934. С. 157–178.
31. Робинсон М. А., Сазонова Л. И. Охота на «сокола в мытех» // Роман Якобсон: тексты, документы, исследования. М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 1999. С. 787–799.
32. Рыбаков Б. А. Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». М.: Молодая гвардия, 1991. 288 с.
33. Сабанеев Л. П. Охотничий календарь. 3-е изд., значит. дополн. М.: Типо-литография Русского Товарищества печат. и изд. дела, 1904. 844 с.
34. Сабанеев Л. П. Все об охоте. М.: АСТ, 2018. 1584 с.
35. Самарин Р. М., Михайлов А. Д. Кургуазная лирика // История всемирной литературы. М.: Наука, 1984. Т. 2. С. 530–548.
36. Соколова Л. В. «Соколь въ мытехъ» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. 50: [К 90-летию академика Д. С. Лихачева]. С. 454–465.
37. Соколова Л. В. Святослав Всеволодович Киевский и его «злато слово» в «Слове о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. Т. 52. С. 7–46.
38. Соколова Л. В. Образ Всеслава Полоцкого в «Слове о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 53. С. 23–58.
39. Соколова Л. В. Каким «рукавом» утирала Ярославна кровавые раны Игоря (к вопросу о поэтике «Слова о полку Игореве») // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 4. С. 7–41 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1573635586.pdf (07.07.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6602
40. Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. М.: Мысль, 1988. Кн. 2: История России с древнейших времен. Т. 3–4. 765 с.

41. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. 799 с.
42. Ужанков А. Н. «Слово о полку Игореве» и его автор. М.: Согласие, 2020. 488 с.
43. Чернов А. Ю. Грамматика темного стиля // Чернов А. Ю. Хроники изнаночного времени. «Слово о полку Игореве»: текст и его окрестности. СПб.: Вита Нова, 2006. С. 78–83.
44. Чижевський Д. Історія української літератури (від початків до доби реалізму). Нью-Йорк: Українська Вільна Академія Наук у США, 1956. 511 с.
45. Якобсон Р. О. Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 14. С. 102–121.
46. Якобсон Р. О. Избранные работы: переводы с английского, немецкого, французского языков / вступ. ст. В. В. Иванова; сост. и общ. ред. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1985. С. 421–423. (Сер.: Языковеды мира.)
47. Янин В. Л. [Выступление на обсуждении книги А. А. Зимина «Слово о полку Игореве»] // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: материалы дискуссии 1960-х годов / вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Л. В. Соколовой. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. С. 486–492.
48. La Geste du Prince Igor': Épopée russe du douzième siècle / texte établi, trad. et commenté sous la dir. d'Henri Grégoire, de Roman Jakobson et de Marc Szeftel, assistés de J. A. Joffe. New York, 1948. 383 p.

References

1. Adrianova-Peretts V. P. Metaphorical and Symbolic Style of the Russian Middle Ages. In: *Adrianova-Peretts V. P. Ocherki poeticheskogo stilya Drevney Rusi* [Adrianova-Peretz V. P. *Essays on the Poetic Style of Ancient Rus'*]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1947, pp. 9–132. (In Russ.)
2. Vinokur G. O. To the Question of the Language of “The Tale of Igor’s Campaign”. In: “*Slovo o polku Igoreve*”: *kompleksnyye issledovaniya* [“*The Tale of Igor’s Campaign*”: *Comprehensive Research*]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 90–102. (In Russ.)
3. Gasparov B. *Poetika “Slova o polku Igoreve”* [Poetics of “*The Tale of Igor’s Campaign*”]. Wien, Institut für Slawistik der Universität Wien Publ., 1984. 405 p. (In Russ.)
4. Glotova E. A. The Occasional Derivation in Phraseology and Author’s Individual Phraseologisms. In: *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Review of Omsk State Pedagogical University. *Humanitarian Research*], 2019, no. 3 (24), pp. 70–74. Available at: [https://vestnik-omgpu.ru/volume/2019-3-24/vestnik_3\(24\)2019_70-74.pdf](https://vestnik-omgpu.ru/volume/2019-3-24/vestnik_3(24)2019_70-74.pdf) (accessed on July 7, 2022). DOI: 10.36809/2309-9380-2019-24-70-74 (In Russ.)

5. Gogeshvili A. A. *Tri istochnika “Slova o polku Igoreve”: issledovanie* [Three Sources of “The Tale of Igor’s Campaign”: a Study]. Moscow, Belye al’vy Publ., 1999. 415 p. (In Russ.)
6. Zhirmunskiy V. M. The Problems of Comparative and Historical Study of Literature and Language. In: *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka* [The Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Literature and Language]. Moscow, 1960, vol. 19, issue 3, pp. 177–186. (In Russ.)
7. Zemskaya E. A. The Speech Techniques of the Comic in Soviet Literature. In: *Issledovaniya po yazyku sovetsskikh pisateley* [Studies on the Language of Soviet Writers]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1959, pp. 215–278. (In Russ.)
8. Ivanov V. V. Wolf. In: *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1991, vol. 1, p. 242. (In Russ.)
9. Ilovayskiy D. I. *Istoriya Rossii* [History of Russia]. Moscow, Tipografiya Gracheva i K° Publ., 1880, vol. 1, part 2. 578 p. (In Russ.)
10. Klimenko A. E. Wind Instruments in the Military Music of Ancient Rus’. In: *Yuzhno-Rossiyskiy muzykal’nyy al’mankh* [South-Russian Musical Anthology]. Rostov-on-Don, 2019, no. 2 (35), pp. 11–17. Available at: <https://musalm.ru/2019-2-1-2.html> (accessed on July 7, 2022). DOI: 10.24411/2076-4766-2019-12002 (In Russ.)
11. Kostenko V. *Russkiy okhotnichiy rog* [Russian Hunting Horn]. Available at: <https://zen.yandex.ru/media/huntportal/russkii-ohotnichii-rog-5abe4d1b77d0e6d753625edc> (accessed on July 7, 2022). (In Russ.)
12. Likhachev D. S. Commentary Historical and Geographical. In: *Slovo o polku Igoreve* [“The Tale of Igor’s Campaign”]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950, pp. 375–466. (In Russ.) (a)
13. Likhachev D. S. Oral Origins of the Art System of “The Tale of Igor’s Campaign”. In: *Slovo o polku Igoreve: sbornik issledovaniy i statey* [The Tale of Igor’s Campaign: Collection of Studies and Articles]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950, pp. 53–92. (In Russ.) (b)
14. Likhachev D. S. The Word About the Campaign of Igor Svyatoslavich. In: *Slovo o polku Igoreve* [The Tale of Igor’s Campaign]. Leningrad, Sovetskiy pisatel’ Publ., 1967, pp. 5–39. (Poet’s Library. Big Series. 2nd ed.) (In Russ.)
15. Likhachev D. S. *Razvitiye russkoy literatury X–XVII vekov. Epokhi i stili* [The Development of Russian Literature of the 10th–17th Centuries. Epochs and Styles]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 255 p. (In Russ.)
16. Likhachev D. S. Poetics of Repeatability of “The Tale of Igor’s Campaign”. In: *Russkaya literatura*, 1983, no. 4, pp. 9–21. (In Russ.)
17. Likhachev D. S. A Few Thoughts on the “Inaccuracy” of Art and Stylistic Trends. In: *Likhachev D. S. Literatura — Real’nost’ — Literatura* [Likhachev D. S. Literature — Reality — Literature]. Leningrad, Sovetskiy pisatel’ Publ., 1984, pp. 220–229. (In Russ.)
18. Likhachev D. S. Reflections on the Author of “The Tale of Igor’s Campaign”. In: *Russkaya literatura*, 1985, no. 3, pp. 3–6. (In Russ.)

19. Likhachev D. S. "The Tale..." and the Artistic Style of the Era. In: *Likhachev D. S. "Slovo o polku Igoreve" i kul'tura ego vremeni [Likhachev D. S. "The Tale of Igor's Campaign" and Culture of Its Time]*. St. Petersburg, Logos Publ., 2007, pp. 46–79. (In Russ.)
20. Lotman Yu. M. Rhetoric. In: *Lotman Yu. M. Izbrannye stat'i: v 3 tomakh [Lotman Yu. M. Selected Articles: in 3 Vols]*. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992, vol. 1, pp. 167–183. (In Russ.)
21. Meylakh M. B. Poetry of Troubadours of "Dark" and "Refined" Style. In: *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka [The Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. Series of Literature and Language]*. Moscow, Nauka Publ., 1975, vol. 34, no. 6, pp. 523–534. (In Russ.) (a)
22. Meylakh M. B. *Yazyk trubadurov [Language of the Troubadours]*. Moscow, Nauka Publ., 1975. 239 p. (In Russ.) (b)
23. Menendes Pidal' R. The Dark and Difficult Style of the Culteranists and Conceptists. In: *Menendes Pidal' R. Izbrannye proizvedeniya: ispanskaya literatura srednikh vekov i epokhi Vozrozhdeniya [Menéndez Pidal R. Selected Works: Spanish Literature of the Middle Ages and the Renaissance]*. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1961. 772 p. (In Russ.)
24. Meshcherskiy N. A. On the Study of the Vocabulary and Phraseology of "The Tale of Igor's Campaign". In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958, vol. 14, pp. 43–48. (In Russ.)
25. Mirskiy D. S. *Istoriya russkoy literatury s drevneyshikh vremen po 1925 god [The History of Russian Literature from Ancient Times to 1925]*. Novosibirsk, Svin'in i synov'ya Publ., 2005. 963 p. (In Russ.)
26. Nazarevskiy A. A. On the Genre Nature of "The Tale of Igor's Campaign". In: *Zbirnik filologichnogo fakul'tetu [Collection of the Faculty of Philology]*. Kyiv, the Taras Shevchenko National University of Kyiv Publ., 1955, no. 7, pp. 113–114. (Ser.: Scientific Notes; vol. 14, issue 1.) (In Russ.)
27. Orlov A. S., Shambinago S. K. The Tale of Igor's Campaign. In: *Istoriya russkoy literatury: v 10 tomakh [History of Russian Literature: in 10 Vols]*. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1941, vol. 1, pp. 375–402. Available at: <http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il1/Il123752.htm> (accessed on July 7, 2022). (In Russ.)
28. Peretts V. *Slovo o polku Igorevim: pam'yatka feodal'noi Ukraini-Rusi XII viku: vstupniy tekst, komentar [The Tale of Igor's Campaign: Monument of Feudal Ukraine-Rus' of the 12th Century: Introductory Text, Commentary]*. Kyiv, From the Printing House of the Ukrainian Academy of Sciences Publ., 1926. 353 p. (Collection of the Historical and Philological Department / Ukrainian Academy of Sciences; no. 33.) (In Ukrainian)
29. Pletneva S. A. Khan Bonyak and His Time. In: *Problemy arkheologii [The Problems of Archeology]*. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1978, issue 2, pp. 174–180. (In Russ.)
30. Rzhiga V. F. The Tale of Igor's Campaign as a Poetic Monument of Kievan Feudal Rus' of the 12th Century. In: *Slovo o polku Igoreve [The Tale of Igor's Campaign]*. Moscow, Academia Publ., 1934, pp. 157–178. (In Russ.)

31. Robinson M. A., Sazonova L. I. Hunt for “Sokol v mytekh”. In: *Roman Jakobson: teksty, dokumenty, issledovaniya* [Roman Jakobson: Texts, Documents, Studies]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1999, pp. 787–799. (In Russ.)
32. Rybakov B. A. *Petr Borislavich. Poisk avtora “Slova o polku Igoreve”* [Peter Borislavich. Search of the Author of “The Tale of Igor’s Campaign”]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1991. 288 p. (In Russ.)
33. Sabaneev L. P. *Okhotnichiy kalendar’* [Hunting Calendar]. Moscow, Tipolitografiya Russkogo Tovarishchestva pechatnogo i izdatel’skogo dela Publ., 1904. 844 p. (In Russ.)
34. Sabaneev L. P. *Vse ob okhote* [All About Hunting]. Moscow, AST Publ., 2018. 1584 p. (In Russ.)
35. Samarin R. M., Mikhaylov A. D. Courtly Lyrics. In: *Istoriya vseмирnoy literatury* [The History of World Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1984, vol. 2, pp. 530–548. (In Russ.)
36. Sokolova L. V. “Sokol v mytekh”. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1996, vol. 50, pp. 454–465. (In Russ.)
37. Sokolova L. V. Svyatoslav Vsevolodovich of Kyiv and His “Golden Word” in “The Tale of Igor’s Campaign”. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2001, vol. 52, pp. 7–46. (In Russ.)
38. Sokolova L. V. The Image of Vseslav Polotsky in “The Tale of Igor’s Campaign”. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2003, vol. 53, pp. 23–58. (In Russ.)
39. Sokolova L. V. What “Sleeve” Did Yaroslavna Wipe Clean Igor’s Bleeding Wounds with (On the Study of the Poetics of “The Tale of Igor’s Campaign”). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2019, vol. 17, no. 4, pp. 7–41. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1573635586.pdf (accessed on January 7, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6602 (In Russ.)
40. Solov’ev S. M. *Sochineniya: v 18 knigakh* [Works: in 18 Books]. Moscow, Mysl’ Publ., 1988, book 2, vol. 3–4. 765 p. (In Russ.)
41. Trubetskoy N. S. *Istoriya. Kul’tura. Yazyk* [History. Culture. Language]. Moscow, Progress Publ., 1995. 799 p. (In Russ.)
42. Uzhankov A. N. “Slovo o polku Igoreve” i ego avtor [“The Tale of Igor’s Campaign” and Its Author]. Moscow, Soglasie Publ., 2020. 488 p. (In Russ.)
43. Chernov A. Yu. Dark Style Grammar. In: *Chernov A. Yu. Khroniki iznanochnogo vremeni. “Slovo o polku Igoreve”: tekst i ego okrestnosti* [Chernov A. Yu. Chronicles of the Wrong Time. “The Tale of Igor’s Campaign”: Text and Its Surroundings]. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2006, pp. 78–83. (In Russ.)
44. Chizhevskiy D. *Istoriya ukrains’koi literaturi (vid pochatkiv do dobi realizmu)* [History of Ukrainian Literature (from the Beginning to the Era of Realism)]. New York, Ukrainian Free Academy of Sciences in the USA Publ., 1956. 511 p. (In Ukrainian)
45. Jakobson R. O. Studying “The Tale of Igor’s Campaign” in the USA. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958, vol. 14, pp. 102–121. (In Russ.)

46. Yakobson R. O. The Role of Linguistics in the Exegesis of “The Tale of Igor’s Campaign”. In: *Yakobson R. O. Izbrannye raboty: perevody s angliyskogo, nemetskogo, frantsuzskogo yazykov* [Yakobson R. O. *Selected Works: Translations from English, German, French*]. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 421–423. (Ser.: Linguists of the World.) (In Russ.)
47. Yanin V. L. Speech at the Discussion of the Book by A. A. Zimin “The Tale of Igor’s Campaign”. In: *Istoriya spora o podlinnosti “Slova o polku Igoreve”: materialy diskussii 1960-kh godov* [The History of the Dispute About the Authenticity of “The Tale of Igor’s Campaign”: Materials of the Discussion of the 1960s]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2010, pp. 486–492. (In Russ.)
48. *La Geste du Prince Igor: Épopée russe du douzième siècle* [The Gesture of Prince Igor: A Russian Epic of the Twelfth Century]. New York, 1948. 383 p. (In French)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Соколова Лидия Викторовна, канд. филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Российская академия наук (наб. Макарова, 4, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034); ORCID: 0000-0003-2220-0049; e-mail: liiso@mail.ru.

Lidia V. Sokolova, PhD (Philology), Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences (nab. Makarova 4, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2220-0049; e-mail: liiso@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 25.11.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.01.2023

Принята к публикации / Accepted 31.01.2023

Дата публикации / Date of publication 14.02.2023